

Ирлан Хугаев

Воскресенье, или Хроники Акаши

Он непостижим интеллектом, ибо интеллект в этой точке не пребывает.

Е. П. Блаватская. Десять сефирот

Царство небесное силою берётся, и бесстрашные восхищают его.

Мф. 11:12

I.

По воскресеньям, в шестом часу, Хош приходил к Гарту, чтобы выкурить с ним по сигаре и поболтать. Оба были холосты, оба немного устали от жизни и увлекались больше её отвлечёнными вопросами. Гарт считал себя адептом христианского учения, а Хош не мог бы сказать, какой придерживается доктрины, и оспаривал Гарта с позиций то гностических ересей, то теософии в духе Блаватской, то вульгарного материализма в духе Молешотта. При этом Гарт снисходительно улыбался, а Хош хмурился и краснел. Впрочем, оба хорошо знали, что это всего лишь праздные разговоры двух старых одиноких грешников, привязанных друг к другу однообразием и скукой поздних лет.

В тот пасмурный осенний вечер Хош был немного рассеян и будто чем-то озадачен. Гарт, как обычно, отпустил горничную, задёрнул в кабинете шторы, и они уютно расположились у камина. За чаем Гарт подробно изложил Хошу сюжет только что прочитанного им романа, потом раскурил сигару и, видя, что Хош не расположен к беседе, долго рассуждал о современной литературе.

— Словом, у них всё приёмы да приёмы, — сказал он, подводя черту под своим монологом. — Они изображают не жизнь, а самих себя. Вот, дескать, смотрите, как я умею: и такой кульбит, и такое сальто-мортале. А русский писатель Толстой говорит, что для художника нет ничего хуже, чем опуститься до приёма... Но что с вами сегодня?..

Хош нервно, будто его застали врасплох, подвинулся в кресле, крепко затянулся и, пустив дым, посмотрел блёклыми глазами на репродукцию «Полёта ведьм» Гойи, висевшую на камине.

— Сны.

— Расскажите.

— Не помню.

— Ничего, вспомните. Есть нечто, что всё обь-емлет, всё помнит. Иначе ни в чём нет смысла.

— Хроники Акаши. Знаю.

— Какая у вас каша в голове, — улыбнулся Гарт. — Кстати, хотите каши? Овсяной?

— Зачем же предполагать смысл? Мне кажется, в этом и состоит ошибка.

— В Средние века гореть бы вам на костре.

— Ага. А вам — жечь. Мне не нравится, Гарт, эта ваша манера улыбаться, как махатма. Как будто вы уже достигли блаженства. Если бы я не знал вас, я решил бы, что вы дурак и невежда.

— Довольно и дурака.

— Вы и правда верите, что умрёте и воскреснете, как в Библии сказано?

— Истинно, верю. И вы тоже умрёте и воскреснете.

— Ну, как хотите. А мне претит верить по писаному. Сказки всё это. Несерьёзно. Слишком конкретно и просто. Лубок, а не истина.

— Я тоже не совсем по писаному верю.

— А в чем отличие вашей веры?

— Рай есть, а ада нет. Бог мыслит: зачем я стану будить тех, кто мне не обрадуется? Кто не обрадуется пробуждению? Пусть спят: это и есть милосердие для злых.

— Бог мыслит? Если Он мыслит, значит, Он чего-то не знает. Какой же Он тогда Бог? Нет ничего нелепее, чем вера в мыслящего и доброго Бога.

— А какой Он, по-вашему?

— Никакой. О Нём ничего нельзя сказать, не ограничив Его. Даже говоря «никакой», я уже ограничиваю Его. Даже говоря, что Он есть, вы уже ограничиваете Его.

— Ну, так и скажите, что Его нет, чтобы ни в чём Его не ограничивать.

— Что такое ваш личный Бог, как не Бог для личного пользования?.. — Хош перевёл взгляд с Гойи на Гарта. — Вот вы ставите в пример Толстого, а Толстой между тем тоже не верит в личного Бога.

— Я хвалю Толстого за его искусство, а не за его веру.

— Глупости. Это нельзя разделять.

— Только если учесть, что его истинная вера выражается в его искусстве, а не в его религиозных манифестациях. А в том, что касается искусства,

он говорит, что его главным условием выступает нравственное отношение к воспроизводимой жизни. Нравственное, Хош!

Хош раздражённо замотал головой:

— Это абсолютная беспристрастность. Это чистая воля без каких бы то ни было нравственных элементов. Это тёмный, холодный, бескрайний космос. Любое моральное представление растворяется и исчезает в нём без следа, как капля вина в океане.

— Вы говорите о Фемиде, Хош. Вы ограничили Бога, как никто другой. Вы низвели Его до греческого истукана с завязанными глазами! Идите вы к чёрту с вашими Хрониками и с вашей бессердечной, машинной справедливостью.

Хош покраснел и нахмурился.

— Хорошо. Вы откуда взяли, что Он добр?

— А вы откуда взяли, что краткий человеческий век или бесконечная череда перерождений вероятнее вечной жизни, а бесстрашие больше милосердия?.. Оттуда я взял, Хош, что Он создал этот прекрасный мир. Что в холодном бескрайнем космосе распустился благоуханный цветок. Чем вы объясните цветок, Хош?

— Цветы бывают разные. Слышали об аморфофаллусе титаническом? Или гидноре африканской? Вот уж поистине цветы зла!.. Если бы этот мир был прекрасен, вы не обещали бы ещё и другой после этого. Мы мним о себе, что верим в доброго Бога, а сами-то строим земную жизнь на основе не добра вовсе, а только возмездия.

— Это вы о государстве. И это только Ветхий Завет для государей, а Новый...

— Для рабов?..

Гарт миролюбиво приблизился к Хошу, упервшись локтями в колени:

— Мы-то с вами холостяки и можем судить об этом только априори, но что вы тем не менее скажете о семье? Она-то как строится? Не на любви ли и милосердии? Вспомните хотя бы своё детство, ваших отца и мать... И где, в каком добропорядочном доме вы видели аморфофаллус титанический? У меня, например, только герань, а у вас, я знаю, оксалис и бегония.

Хош бросил дымящуюся сигару в пепельницу и откинулся назад, сцепив на колене пальцы.

— Мы вспоминаем о предсказании, когда и если оно сбывается. Теперь представьте себе, Гарт, сколько было лжепророков, если правда только одна. Но в том, что касается посмертного бытия, я не буду спорить с вами.

— Отчего же?

— Вы удобно устроились: вы в любом случае не в убытке. Если вы ошибаетесь, мы об этом не узнаем. А если вы правы, то вы не преминете покуражиться передо мной: ну что, дескать, говорил я вам?!

— А хоть бы я и язык вам показал: нашли о чём переживать. Неужели ваша правота вам дороже

правды, а ваше тщеславие дороже вам всеобщего воскресения?.. Вы — человек глубокий, вам нельзя мыслить без Бога. На дно пойдёте.

— Домой пойду, — сказал Хош и решительно поднялся с места, будто обидевшись.

Гарт счёл излишним удерживать его. Он кротко улыбнулся и пожал плечами.

— Что ж, увидимся в воскресенье, — сказал он и, проводив друга до двери, подал ему шляпу, которую тот чуть не забыл.

Когда, думая о своих снах и Хрониках Акаши, Хош переходил улицу на другом конце города, его сбил автомобиль, за рулём которого сидел пьяный молодой повеса, и через минуту, лёжа на мокрой мостовой без шляпы и ботинка, он скончался, не приходя в сознание.

Вернувшись домой после похорон Хоша, Гарт, едва переступив порог, ощутил острую боль за грудиной. Болело как-то нехорошо, неправильно; боль резко отдавала в левое плечо и в челюсть и соединилась с унижительным, удивившим Гарта унынием, от которого у него похолодели и онемели пальцы. Он думал сначала, что это следствие тяжёлых впечатлений дня, но с каждой минутой всё более укреплялся во мнении, что это не так. Друг у него в голове мелькнула догадка, что и он скоро, возможно, уже сегодня, умрёт. И тут же нечто, что таилось в тёмной глубине его души, поднялось вихрем на свет сознания и цепко ухватилось за эту мысль: именно так, Гарт; ты угадал; не бойся. Не раздеваясь, он прошёл в кабинет, уронив по дороге трость и не услышав её стука, задёрнул шторы, зажёл кое-как торшер, опустился в кресло, в котором обычно сидел Хош, и, открыв рот, уставился на паривших над холодным камином ведьм Гои.

В таком положении и нашла его утром горничная.

2.

Гарт сидел на пригорке и зевал и потягивался. Было зябко, но хорошо. Стаял и забылся, как сон, тысячелетний сумрак; над бескрайней зелёной степью, усеянной цветами, поднималось незнакомое огромное солнце. Гарт будто с подозрением поглядывал на него подслеповатыми глазами и время от времени, чему-то недоуменно усмехаясь, мелко встряхивал головой, с которой при этом, как с одуванчика, слетали древние, лёгкие, как паутина, седые волосы.

Позади, в кустах цветущего белого тёрна, раздался треск.

— Сюда, Хош! Я здесь, — не двигаясь, сказал Гарт, будто его можно было не заметить и пройти мимо.

Хош подошёл, встал справа и, обхватив руками плечи и поёживаясь, не моргая, смотрел на солнце. На виске у Хоша выступило несколько капель чёрной крови.

— Вы оцарапались.

— Пить хочется, — сказал Хош, облизнув тонкие синие губы, и медленно опустился на траву рядом с Гартом.

— Там родничок, — Гарт указал рукой на небольшую зелёную ложбинку с густым и шелковистым, гладко причёсанным ковылём.

— Не могли вы раньше сказать, пока я не сел?

— Не вредничайте, — ласково попросил Гарт.

Хош, кряхтя, поднялся и пошёл к водопою, и Гарт рассмотрел длинные и резкие складки бостона на его спине. Сердце Гарта заныло от жалости к старому другу.

Вернувшись, Хош снова сел, согнул в колене правую ногу, расшнуровал лакированный ботинок и, сняв его и отставив в сторону, покрутил стопой в чёрном носке.

— Жмут ботинки.

— Ничего, разносите. Дайте сигару.

Хош хмыкнул.

— Изрядная шутка, ничего не скажешь.

— В правом кармане.

Хош рассеянно хлопнул себя по боку, сунул руку в карман и достал оттуда пачку их любимого «Партагаса» и спички.

— Ловко.

Гарт хотел было показать Хошу язык, но вместо этого заметил:

— А вы, небось, не положили бы мне, если бы я первый умер. И сидели бы теперь без табака.

Они закурили и один за другим закашлялись.

— Бросать пора, — сказал Гарт.

Хош посмотрел по сторонам.

— А где другие?

— Не знаю. Земля большая. Скоро всех увидим.

— И Его?

— И Его.

Хош хотел было вытянуть ногу, но Гарт остановил его движение:

— Осторожно, змея...

Хош присмотрелся.

— Ящерка.

— Один чёрт.

— Ш-ш, — сказал Хош, и оба сипло и нерешительно рассмеялись.

Ветерок пригibal ковыль и осоку; по безбрежному зелёному морю струились серебристые блики.

— Сон вспомнил, — усмехнулся Хош кисло.

— И что там было?

— А вот это самое.

— Возможно, это и есть ваш сон?

Хош посмотрел на Гарта с мгновенным ужасом в глазах.

— Шучу, шучу, — сказал Гарт очень серьёзно. — Уж и пошутить нельзя. Простите.

Они замолчали и немного сникли от табачного дыма.

— А смысл всё-таки в чём? — спросил Хош.

— О-о, — вздохнул Гарт судорожно и восхищённо, — теперь всё откроем!.. — он сорвал травинку, положил в рот и раскусил. — Боже мой, как вкусно.

Хош последовал его примеру.

— Так просто?

— Да, Хош. Представьте себе. Никаких приёмов. Как у русского писателя Толстого.

— Я этого не стою, Гарт.

— Почему? Разве вы не рады?

— Рад.

— Ну и всё, — сказал Гарт и, приблизившись к Хошу, поправил ему сбившийся на сторону галстук. — По правде говоря, Хош, этого никто не стоит. Я ещё меньше вашего. Но в том-то и дело. А вы говорите: справедливость, возмездие, бесстрашие...

Едва Хош сказал «рад», он ощутил, как его сердце, словно оно ожидало этого признания, исполнилось незнакомой и безмерной, как их восходящее солнце, радостью, от которой хотелось плакать. Он даже немного подсадовал на Гарта, в присутствии которого не хотел себе этого позволить.

— Нам туда?

— Туда. Что? Пойдём? Надевайте ваш ботинок.

— Страшно. Посидим ещё.

— Ладно. Только недолго, Хош. Времени больше нет.

На востоке поднималось молодое огромное солнце вечности. В траве запели жаворонки. Мимо деловито прожужжал захмелевший от счастья шмель, весомо, но мягко стукнув Хоша в плечо.

— Да, да, да, — тихо ответил Хош.